

Сознание Фу Яньцин полностью вернулось. Глядя на ребенка, который уже едва держался, она постаралась высвободить руку и обняла его сзади. Стабилизировав положение, она быстро осмотрелась вокруг, и её глаза широко раскрылись. Знакомая сцена заставила её тело дрожать. Она снова и снова смотрела на окружающие искусственные горы и павильоны, затем на свое тело, и, наконец, ей пришлось признать странную правду — она вернулась в свои девять лет!

В том году она пробралась к озеру Тайе и случайно увидела, как ребенок упал в воду. Естественно, она не могла оставаться в стороне и, приложив невероятные усилия, спасла его. В итоге оказалось, что этот ребенок — любимая седьмая принцесса императора, Чжао Моцзянь!

Именно с этого момента начались их отношения. Если бы она не спасла её, все последующие события не произошли бы, и они не оказались бы вовлечены в эту череду трагедий, которая привела к гибели её семьи!

Фу Яньцин напряглась, стиснув зубы, и её руки, обнимающие ребенка, сжались сильнее. Её глаза покраснели, и в них отразилась сложная смесь эмоций. Именно этот человек погубил резиденцию юго-западного князя, хладнокровно отдав приказ окружить и убить 18 000 солдат юго-западной армии. Чем больше она думала, тем сильнее становилась боль и ненависть. Внезапно в груди поднялась ярость, и в глазах появился убийственный блеск. Если бы она умерла тогда, ничего бы не случилось!

Её руки начали медленно разжиматься. Если бы она просто отпустила, то смогла бы избежать этой ужасной развязки.

Ребенок уже наглотался воды и почти не имел сил. Когда Фу Яньцин разжала руки, он соскользнул в воду и безнадежно начал тонуть. Наблюдая, как его слабые руки дергаются, а изо рта выходят пузырьки воздуха, Фу Яньцин не смогла заставить себя уйти. Как бы она ни ненавидела, она не могла быть равнодушной к этому маленькому существу.

Борясь с внутренними противоречиями, Фу Яньцин не отрывала взгляда от маленького тела. Фиолетовый халат безвольно обвивал его, предвещая конец жизни, а головка, склонившаяся набок, затихла.

В груди засветило ноющей болью, и вдруг взгляд Фу Яньцин остановился на шее ребенка. На белой коже виднелось красное пятно, и её сердце пропустило удар. Мысль, мелькнувшая в голове, заставила её больше не терпеть, и она изо всех сил поплыла к ребенку.

К счастью, она хорошо плавала, и хотя тело стало меньше, этого было достаточно, чтобы схватить ребенка и быстро плыть к берегу.

Был апрель, и хотя погода стала теплее, вода все еще была холодной. Как только они выбрались из воды, Фу Яньцин не сдержала дрожи. Но, видя, что лицо ребенка стало синевато-бледным и в нем не было ни признака сознания, она не могла думать о себе. Она даже не успела поразмыслить о том, что снова стала девятилетней, и начала яростно нажимать на вздутый животик ребенка. К счастью, она видела, как рыбаки спасали утопающих, и хоть и нервничала, но знала, что делать. Сделав несколько искусственных вдохов в рот ребенка и выдавив воду из его живота, она возилась с ним долгое время, пока наконец не услышала слабый кашель, который становился всё сильнее. Лицо ребенка, пока еще синее, начало постепенно бледнеть.

Фу Яньцин облегченно выдохнула и подтянула ребенка к себе, осмотрев его шею. Там

действительно было красное пятно, похожее на пылающее пламя, которое выделялось на белой коже, но обычно оно было скрыто под воротником.

Это не Чжао Моцзянь. Хотя она не помнила, как выглядела Чжао Моцзянь в детстве, за годы совместной жизни она никогда не видела у неё такого пятна. Но когда она спасла того ребенка, все слуги называли его седьмой принцессой, и даже император с наложницей Сяо Шу говорили, что она спасла седьмую принцессу, за что и была награждена. Неужели, вернувшись в прошлое, она что-то изменила?

Фу Яньцин нахмурилась, размышляя об этом, но её руки продолжали мягко гладить спину ребенка. Ведь это была её вина, что он чуть не погиб.

Внезапно ребенок, который кашлял так, что казалось, вот-вот разорвет грудь, крепко обнял её, уткнувшись лицом в её грудь, и тихо зарыдал:

— Мама, мама, мне страшно, мне страшно.

Мягкий детский голос, полный страха и беспомощности, растрогал Фу Яньцин, сердце которой всегда было мягким. Она начала гладить мокрую голову ребенка и тихо успокаивать:

— Не бойся, всё хорошо.

Поглаживая и успокаивая его некоторое время, она увидела, что ребенок, постепенно приходя в себя, всё еще дрожал. Но подняв голову и увидев Фу Яньцин, он тут же подавился. Его большие глаза были немного красными, в них еще читался страх, но уже не было той уязвимости, что была в полубессознательном состоянии. Темные глаза смотрели на свою спасительницу с долей подозрения.

Он помнил, что после падения в озеро Тайе эта девочка почти сразу же прыгнула следом. Хотя потом он почти потерял сознание от воды, он понимал, что именно она спасла его.

Фу Яньцин на этот раз внимательно осмотрела ребенка. Он был одет в фиолетовую одежду, на голове у него была фиолетовая повязка с нефритовым украшением, и его внешний вид напомнил ей о привычках Чжао Моцзянь. Черты лица были очень изысканными, глаза, как черный нефрит, излучали живость и чистоту. Даже мокрые волосы и слегка растрепанный вид не могли скрыть его красоты — он был похож на фарфоровую куклу.

Фу Яньцин подумала, что этот ребенок чем-то похож на Чжао Моцзянь чертами лица, но в его глазах не было той гордыни и остроты, что были у Чжао Моцзянь. Он был тихим и вызывал жалость. Она окончательно убедилась, что это не Чжао Моцзянь.

Она уже собиралась спросить ребенка, кто он, но услышала шаги. Кто-то приближался.

Женский голос раздался рядом:

— Седьмая принцесса... Это... Ваше Высочество! Что с вами?!

Голос звучал тревожно, шаги участились, и женщина быстро подбежала, затем забрала ребенка из рук Фу Яньцин, или скорее вырвала его.

— Ваше Высочество, почему ваша одежда вся мокрая? Неужели вы упали в воду?

Она держала ребенка, повернувшись спиной к Фу Яньцин, и ощупывала его, проверяя, не

пострадал ли он, продолжая спрашивать, почему он один прибежал сюда.

Лицо Фу Яньцин не изменилось, она просто спокойно наблюдала за женщиной в одежде служанки и несколькими евнухами, окружившими ребенка, но в её глазах читалась насмешка. Она узнала эту служанку — это была Люй, служанка наложницы Сяо Шу, матери Чжао Моцзянь. Она выглядела встревоженной, но её действия были поверхностными. Погода была холодной, ребенок явно дрожал, но она не думала о том, чтобы скорее отвести его переодеться, а вместо этого спрашивала, почему он здесь один. К тому же, как могла простая служанка так вольно обращаться с любимой седьмой принцессой императора?

подавив хаос в душе, Фу Яньцин начала тщательно анализировать происходящее. С того момента, как она прыгнула в воду и вытащила ребенка, прошло немало времени. Почему вокруг озера Тайе никого не было? Даже если в тот момент никого не было, поблизости должны были быть охранники или евнухи. Если ребенок упал в воду, он должен был кричать о помощи, но никто не пришел. Этот ребенок явно не Чжао Моцзянь, но служанка наложницы Сяо Шу называла его седьмой принцессой. Что вообще происходит?

Ребенок, которого расспрашивали, сжал губы, но ничего не сказал, только смотрел на Фу Яньцин поверх плеча Люй. Фу Яньцин почему-то почувствовала, что в тех глазах таилась печаль и безысходность.

Люй заметила взгляд ребенка и повернулась к мокрой Фу Яньцин в простой одежде. В её глазах мелькнула суровость:

— Ты откуда взялась, девчонка? Как ты оказалась здесь? Почему ты не защитила седьмую принцессу, когда она упала в воду?!

Фу Яньцин посмотрела на свою грубую одежду из хлопка, которая мокрой прилипла к телу, и правда выглядела не иначе как служанка.

Пожилой евнух, стоявший рядом, несколько раз видел Фу Яньцин и знал, что во дворце Облачной Дымки возле озера Тайе жила маленькая принцесса, дочь юго-западного князя Фу Хуая, которую отправили во дворец в восьмилетнем возрасте.

Хотя все знали причину, по которой Фу Яньцин жила во дворце — она была заложницей, посланной императором для контроля над юго-западным князем, — её положение было двусмысленным. В последние годы император всё больше опасался резиденции юго-западного князя, и придворные, всегда умевшие приноровиться к ветру, не особо уважали принцессу Чаннин. Но хотя они могли вредить ей тайно, открыто нарушать субординацию было опасно — император мог казнить их для сохранения лица. Поэтому евнух быстро прошептал что-то Люй на ухо.

Лицо Люй слегка изменилось, но в её глазах не появилось уважения. Она лишь улыбнулась и произнесла:

— О, так это принцесса Чаннин. Простите, я не узнала вас. Седьмая принцесса упала в воду, не знаете ли вы...